

Мастера и «рысаки»

6 марта 1932 года в Варшаве состоялся II международный конкурс пианистов им. Шопена. Подобные конкурсы Польша устраивает каждые пять лет.

На первом конкурсе пианистов в 1927 году Советский союз занял первое и четвертое место. Симпатии, завоеванные советскими пианистами на первом конкурсе, рост советской культуры за последние годы, интерес к Советскому союзу, сенсационные сообщения польской прессы создали такую обстановку, что фактически конкурс перестал быть соревнованием отдельных исполнителей, а превратился в арену борьбы двух противоположных музыкальных культур — деградирующей культуры Запада и выросшей советской культуры.

«Великий конкурс, — писала польская народно-демократическая газета, — заинтересовал музыкальную Польшу, то второй — вызвал интерес у всей культурной Польши».

На конкурсе принимало участие 19 стран: СССР, Польша, Венгрия, Австрия, Италия, Румыния, Турция, Бразилия, Португалия, Швейцария и др. Всего в конкурсе участвовало 75 пианистов, из них 12 советских и 32 польских.

На открытии конкурса князь Четвертинский, известный меценат, очень много говорил о духовном облике Шопена, о великой Польше, о том, что только польская душа может вскрыть глубину шопеновской музыки. И тем не менее по-настоящему разрешил проблему исполнения Шопена только советские пианисты. Единственно, что советским пианистам было поставлено в упрек, это то, что они ходить не умеют по эстраде. Та же буржуазная народно-демократическая газета писала: «Они типичные дети советского порядка. Их поведение вызывает глубокое удивление. Они повидимому никогда не приходили в соприкосновение с буржуазным порядком. На каждом шагу, в каждом движении они демонстрировали чуждость западно-европейским манерам. Играть трудные произведения им было гораздо легче, чем лишний раз выйти поклониться публике и позвать руки жюри».

Перейдем к более подробной характеристике музыкально-пианистических школ, выступавших на конкурсе. Несмотря на обилие участников, фактически заслуживают упоминания и характеристики 3 школы — советская, венгерская и польская. Предоставим слово о советской школе польской и эмигрантской прессе (которую отнюдь нельзя заподозрить в симпатии к Советскому союзу). Вот что писала профессор виенской консерватории У. Кревер в эмигрантской газете «Наше время»: «На первом ме-

Некоторые итоги II международного конкурса им. Шопена в Варшаве

сте стоят русские — это общее мнение в том числе и польской печати. Особенность русской школы фортепианной игры — искренности, естественность, простота и интимность. Школа прекрасная: молодые русские пианисты умеют создавать настроение, у них изумительное пиано, педаль прекрасная, совершенная техника; они все (из числа тех, кого я прослушала) талантливы...»

Известный польский критик Ритель писал: «Большевистские пианисты талантливы, их игру можно сравнить с игрой Иосифа Гофмана; на первом месте стоит советская школа».

Белоэмигрантская газета «За свободу» в статье Орлова, брата известного пианиста Н. Орлова, писала: «Русская школа по моему глубокому убеждению была гораздо ближе к духовному облику Шопена, чем все остальные. Их художественное чутье, благородная простота исполнения оградили их от чудовищ шопеновской музыки эффектов. Каждый из них чувствовал свою ответственность как музыкант и старался приблизиться к Шопену, а не использовал гениальную музыку для достижения внешнего успеха».

В одной статье эмигрантская газета «Наше время» писала: «Не есть ли эти 12 советских прекрасных пианистов — советский демпинг?»

Теперь предоставим польской и белоэмигрантской прессе слово о венгерской школе.

«Венгерская школа, — пишет «За свободу», — искажает облик великого Шопена, придавая ему черты пресловутой цыганщины со слезой... Газеты называют венгерских пианистов «рысаками».

О польской школе польский критик Ритель писал: «Игра польских пианистов напоминает школьные упражнения, правда, очень хорошие» и тут же газета восклицает: «Где наша пресловутая польская школа — ее нет. Позор для Польши».

Со своей стороны о польских пианистах мы можем сказать, что ничего более бездарного нам не приходилось слышать.

Отсутствие устремленности, ощущения большой формы, подмена подлинного шопеновского драматизма «конским топотом» — вот свойства польского пианизма. Характерно, что польские профессора очень деспотичны (это качества мелких художников) — они решительно навязывают свою концепцию и все уродливые навыки игры своим учащимся,

поэтому мы наблюдали исполнительский стандарт польских пианистов.

Итак, по мнению польской прессы, советская школа на конкурсе заняла первое место.

Польский профессор Михайловский утверждал, что традиции Сливинского (крупнейший пианист и педагог) владеют только русские.

Остальных участников конкурса мы не коснемся, так как их игра имеет весьма мало общего с творчеством Шопена.

Что касается Уининского, получившего первую премию (белый эмигрант), то газета «Народно-демократическая» писала: «Игра Уининского ученическая, не оригинальная, лишняя всякого полета и таланта». Мы бы под этой характеристикой подписались целиком. Нам известно, что концерты Уининского, особенно второй в Риге, шли при пустом зале.

Наша делегация убедилась в том, что жюри не объективно оценивало художественные ценности, а осуществляло политику пилсудчиков в области музыки.

Снова предоставим слово польской прессе. Народно-демократическая газета писала: «Было ясно, что судьи берут совершенно посторонние моменты, политические и даже личные и не считаются с артистической квалификацией».

Это ярко подтверждено разницей призов. Газета «Дер момент», орган еврейских националистов, писала: «Очень тенденциозны были судьи в отношении советских пианистов. Например, пианист Саталов (Харьков), который играл лучше всех, получает пустую премию в то время, как малоинтересный пианист Кентнер (Венгрия) получает пятую. Из 12 советских пианистов к финальному состязанию допускаются только 4. И такие активные участники конкурса, как Дзяков и Эллисон, известный пианист за границей, получают только дипломы. А такой пианист, как Гутман, приведший своей величественной игрой в восхищение всю польскую критику, — занимает место после Боруньского, пианиста из польского театра легкого жанра. Далее газета пишет: «Гроссман, который только допрашивается до клавиш — и вы слышите звучание его души, заслуживает более высокой премии». В другом номере эта же газета писала: «Можно было предвидеть, что судьи будут не объективны, это так и вышло, когда объявили результаты конкурса». Польский критик Ритель писал: «Шоляки из чув-

ства национальной гордости получали больше баллов». Разоблачая жюри в польской газете «Экспресс Пораяный», известный пианист и педагог Михайловский писал: «Не понятно, как такие пианисты, как Юнасуна и Боруньский (Польша) — бледные ученики — получили призы, в то время как такой высокоодаренный пианист Аптекера не был допущен к розыгрышу призов. Нало конституировать, что суд общественности и прессы разошелся с мнением жюри и оно обрекло себя на провал, хотя председатель и получил золотой крест от вице-министра — ксендза за проведение конкурса».

По мнению польской печати, советские пианисты являются моральными победителями конкурса, несмотря на официальные результаты. Советские пианисты заняли следующие места: А. Луффер (Киев) — четвертый приз, Л. Сагалов (Харьков) — шестой приз, Т. Гутман (Москва) — восьмой, Э. Гроссман (Москва) — 11 приз, А. Дзяков (Москва) — первый почетный диплом и Эллисон (Берлин) — восьмой диплом. В момент раздачи призов советским пианистам по адресу жюри слышались крики с мест: «Мало». «Позор для Польши». На это председатель вынужден был ответить: «Сколько ни кричите, все равно не прибавим». Выкрикивались имена наших товарищей, не участвовавших в финальных состязаниях, особенно Игоря Аптекера, который имел все основания получить приз за исполнение мазурок.

После окончания конкурса группа советских пианистов дала ряд концертов в польской провинции: Лодзь, Львов, Краков, прошедших с исключительным успехом. Помимо этого группа дала два концерта в Данциге; один из них в пользу безработных металлистов.

Советские пианисты были встречены лангитскими рабочими возгласами: «Да здравствует Москва» и бурными аплодисментами.

Пишущему эти строки выпала почетная роль исполнить Интернационал совместно со всем залом. После окончания концерта значительная часть рабочих отправилась с нами на вокзал и проводила возгласами: «Да здравствует Советский союз». Для нас это был самый значительный и доставивший нам неизмеримую радость момент за все время нашего пребывания за границей.

А. ДЯКОВ

СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО 3